

Трансформации социального неравенства в постсоветских государствах (на примере Эстонии) (тезисы доклада)

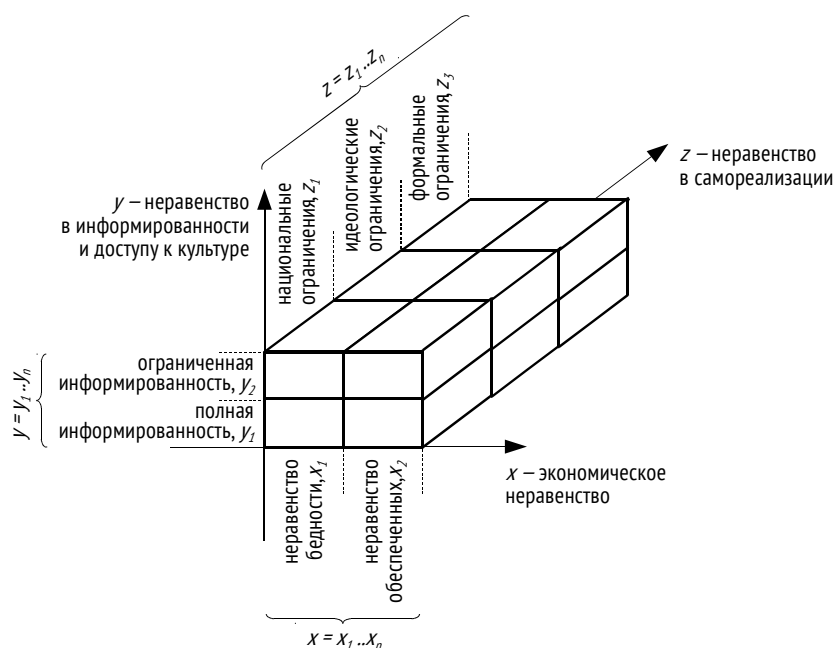
В работах, исследующих факторы социального протеста непременно в качестве одного из них называется социальное неравенство. Утверждения вроде того, что „когда бедность и социальное неравенство достигает определённого предела, возникает революционная ситуация и происходит социальная революция“ [1] воспринимаются в качестве истины не требующей доказательств.

Представления о жесткой детерминированной связи между обеднением масс и революцией не подтверждает опыт четвертьвекового постсоветского развития. Появляются работы, где связи между экономическим положением масс и социальным взрывом рассматривается как вероятностные, носящие стохастический характер. Например, А. В. Юревич [2] критикует объяснение причин социальных революций преимущественно политическими и экономическими причинами (важнейшая из которых — социальное неравенство), полагая необходимым более комплексный подход к анализу, факторов, обуславливающих социальный взрыв. Он согласен с Майклом Киммелем, что необходимо „вернуть людей в революционное уравнение“.

Хорошо бы, добавим, вернуть человеческое измерение и в анализ факторов сложных социальных процессов. В частности, в представление о социальном неравенстве.

По отношению к отдельно взятому человеку социальное неравенство можно представить в виде трёхмерной матрицы, которая — в свою очередь — позволяет представить стратификацию общества в виде сложной объёмной взаимопроникающей структуры нескольких страт.

Рис. 1. Матрица факторов социального неравенства личности

В этой матрице социального неравенства одна из осей отражает экономическое неравенство дифференцируемое, например, Петером А. Бергером (Университет Ростока), как „неравенство бедности“ и „неравенство обеспеченных“ [3]. Первое подразделение, в свою очередь, включает группу тех, кому не хватает „экономического капитала“ (термин П. Бурдьё), чтобы оказаться выше черты прожиточного минимума (обозначающей абсолютную бедность) и группу тех, кто в состоянии обеспечить себе только жизненно важное потребление. „Неравенство обеспеченных“ охватывает несколько экономических групп т. н. среднего класса. И, наконец, „неравенство богатых“ означает группу населения способную вести накопление сверх нормальных потребностей. На второй оси отразим информационное и культурное неравенство. И на третьей — неравенство возможностей личностной самореализации.

Такая дифференциация поможет объяснить социальное недовольство проявившееся в девяностые годы на всём советском пространстве.

Выбор Эстонии в качестве базы исследования обусловлен малыми её размерами, по причине чего все процессы в Эстонии идут быстрее, а тенденции прослеживаются легче.

Социальное напряжение позднесоветского периода менее всего объясняется экономическим неравенством. В конце 70-х годов в СССР и восточноевропейских его сателлитах образовался преобладающий по доле включенного в него населения „средний класс“. Не было ни „бедности бедных“, ни „богатства богатых“. Быт советского общества вполне оправдывало название „гуляш-социализма“. Не только в части потребления основных продуктов и вещей, но также в части доступности образования и получения медицинских услуг. Некоторое преимущество в потреблении слоя номенклатуры (вопреки расхожему более позднему мнению) не носило радикального характера и не мотивировало социальный взрыв.

Больше раздражения в обществе вызывала информационная дифференциация: например, „Белый“ и „Голубой атлас“ (еженедельники ТАСС „для служебного пользования“), подписка на вполне идеологически-вегетарианские журналы „Америка“ и „Англия“ по спискам, утверждаемым партийными комитетами областей и республик. Идеологическая цензура в культурной сфере. Невозможность временного (включая туристский) выезда в другие страны. Специальные системы распределения культурной продукции от литературы до театральных билетов и т. п. Шутка о стилистических расхождениях образованной части общества с советской властью на самом деле отражала существо дела. И, наконец, раздражение вызывали „стеклянные потолки“ сдерживавшие возможности самореализации по самым разным формальным признакам партийной принадлежности; национальности; демонстрации отношения к власти и т. д.

На основе этих противоречий складывались разные мифологии: официальная и оппозиционная (латентная). Гуру институционализма Дуглас Норт писал: „в любом построенном на идеологической основе обществе наступает время разложения формальных правил и нарастает роль латентных отношений, ориентированных на иные ценности“ [4]. Примером такого вектора движения был чёрный рынок жилья, где по формальным признакам „ответственные квартиросъёмщики“ в латентной сфере

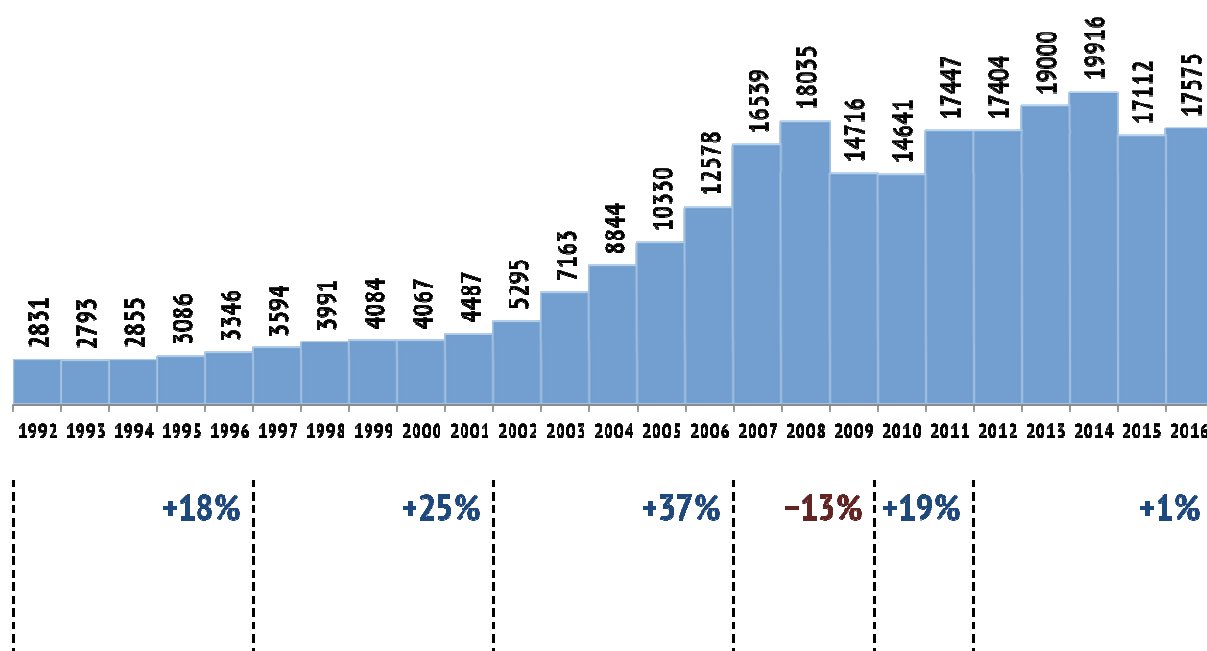
выступали квазисобственниками, оперировавшими квартирами с помощью всем известных серых схем. [5]

Такое состояние общества дало основание Руслану Гринбергу сказать: „Мы хотели социализма с человеческим лицом, а теперь хотим капитализма с человеческим лицом. В конечном итоге мы хотели справедливого общества. И чтобы человек был не только сыт, обут, одет, но и чтобы был свободен. Этого нам не хватало в середине 1980-х“ [6].

Без экскурса в позднесоветское социальное неравенство трудно понять, что происходит с проявлениями неравенства в постсоветский период. Анализируя процессы происходящие в обществе Эстонии за 1991—2016 гг. можно выделить несколько этапов, связанных с экономическим и социальным развитием страны и соответствующими трансформациями неравенства.

На рис. 2 показан график движения ВВП на душу населения (в долларах США) с 1992 по 2016 год, и разделением на пятилетние этапы с характеристикой социального неравенства по каждому из этапов.

Рис. 2

I этап 1992—1996 гг. Экономического неравенства нет, с учётом незначительности предельной суммы обмена рублей на эстонские кроны и равенства в бедности. Доступ к информации и культуре максимально открыт. Самореализация максимальна. Тема социального неравенства снята.

II этап 1997—2001 гг. Удвоение ВВП на душу населения происходит в том числе и за счёт быстрого роста доходов всего населения в результате: транзита через Эстонию российских цветных и чёрных металлов, удобрений, леса; а также распродажи военного имущества деградирующими частями бывшей Советской армии. Тема социального неравенства всё ещё не возникает. Советская „техническая интеллигенция“, „совслужащие“ и „рабочий класс“ в равной мере свободно реализуют себя как *Ното*

economicus наполняя пустующий рынок товаров и услуг с помощью „челночных“ товарных маршрутов и продвижения услуг финскими, шведскими и т. п. фирмами не понимающими специфики раннего постсоветского рынка.

III этап 2002—2006 гг. Трёхкратный взрывной рост ВВП на душу населения. Определяет характер общества быстро растущий средний класс. Приватизация жилья и широкая приватизация основных фондов промышленности, ипотечное кредитование микшируют экономическое неравенство. Информационное насыщение рынка за счёт кабельных сетей, а также возможностей новой печатной техники — безбрежно. Некоторые этноязыковые ограничения в самореализации представителей меньшинств не носят массового характера.

IV этап 2007—2011 гг. В течение двух лет — быстрый рост, затем обвал ВВП в 2009—2010 гг. на 25 % за 2 года (самое крупное падение в ЕС) в результате лопнувшего ипотечного перегрева экономики. Попытка в 2007 году снять экономическое напряжение за счёт искусственного „раздувания“ этнического конфликта (перенос памятника и „Бронзовая ночь“ полицейского произвола). Остановка социальных лифтов по этноязыковому признаку — всё вместе создаёт обстановку неуверенности и страха выпасть из среднего класса в малообеспеченные слои. Общество оказывается в ситуации расширяющегося ресентимента. Усиливается атомизация и безверие.

V этап 2012—2016 гг. Социальное напряжение частично снимается за счёт миграции из страны креативной, квалифицированной рабочей силы. Остающиеся по разным причинам работники быстро превращаются в прекариат. Частично социальное напряжение снимается за счёт быстрой смены властных элит и скандалов, в которых оказываются замешаны почти все крупные политики. Растёт прекариат и политический популизм. Растерянное общество не дееспособно. Экономическое неравенство проявляется в базовых сферах жизнеобеспечения и, прежде всего, в жилищной сфере, где почти четверть квартирособственников не способна оплачивать подорожавшие за 20 лет на два порядка коммунальные услуги [7].

VI этап, начинающийся в 2017 году, отмечен изменением экономической парадигмы: за счёт налоговой реформы поднимается покупательная способность наиболее малообеспеченной части населения. Прогнозируется рост малого бизнеса, за счёт чего ожидается 4%-й рост ВВП. Принимаются меры для снижения этноязыкового напряжения. На первый план выходит проблема молодёжной миграции (Эстония успешно „экспортирует безработицу“). Внутри страны безработица сменяется кадровым дефицитом и началом миграционного потока из бедных стран, который придаёт новую окраску прекариату. В политической сфере побеждает откровенный популизм. В общественном сознании всё ещё сильна мифология о „советской несвободе“, препятствующей росту левой мифологии. Явный дефицит новых идей в том числе и по причине отсутствия государственного финансирования гуманитарных наук. Велика опасность роста правого популизма (пример Австрии, Венгрии, Польши, а теперь ещё и Германии).

Список литературы

1. *Соколов С.В.* Социология истории. Монография. — М: Проспект, 2017.
2. *Юревич А.В.* Социальная психология революции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 4. С. 110-132.
3. *Бергер П. А.* Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств — недопонимание и предложения по его устранению // Сборник „Социальное неравенство“ / под ред. В. Воронкова, М. Соколова — СПб.: Алетейя, 2008. С. 14-25.
4. *Норт Д. К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310> (дата обращения: 26.04.2017).
5. *Тимофеев Л.М.* Черный рынок как политическая система. Вильнюс — Москва, 1993.
6. *Гринберг Р.С.* Круглый стол «Мир перемен: возможное и невозможное» // Социализм после социализма / под ред. М. И. Воейкова. СПб, 2011. С. 9.
7. *Вайнгорт В.Л.* Двадцать лет спустя: анализ постриватизационной жилищной политики Эстонского государства // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2015 года. СПб, 2015. Т. 3, ч. 1. С. 88-95.